ДЖАВАД АЛМАЗ (Казань): «КИССА- И ЮСУФ» АЛИ— БУЛГАРО-ТАТАРСКИЙ ПАМЯТНИК[1]

Настоящее сообщение содержит основные выводы первой части работы, посвященной изучению поэмы *Кисса-и Юсуф*[3] Али.

В одиннадцати списках *К. Ю.*, с которыми мы ознакомились, сохранились четыре различные даты. Из них встречающиеся в двух списках даты 600 и 1154 хиджры являются ошибками переписчиков. Дата 609 значится в шести, а дата 630 в трех списках. Таким образом, датой создания поэмы можно считать 609—630 (1212—1233).

О поэме *К. Ю.* в науке существуют различные мнения. Ее считают памятником: а) татарско-огузским (Х. Флейшер[4]), б) среднеазиатским, без указания языковой принадлежности памятника (М. Хоутсма[5], Г. Газиз и Г. Рахим[6]), в) древнеосманским (К. Брокельман[7]), г) хорезмским (Кёпрюлюзаде[8], Е. Бертельс[9], Эмир Наджип[10], высказывания которых носят характер предположения), д) булгарским (Ш. Марджани[11], Б. Яфаров[12], Я. Агишев[13], Х. Усманов[14], которые под термином булгарский имели в виду древнетатарский язык, и В. Перч[15], который поэму считал татарской, имея в виду, что она написана на древнетатарском языке).

Тщательное изучение поэмы *К. Ю.* показало, что она является булгаро-татарским памятником. В пользу этого мнения говорят следующие данные:

I. Поэма *К. Ю.*, написанная на вполне сложившемся литературном языке, могла появиться только в развитом культурном государстве, где в течение длительного времени тюркский язык был единым как для членов общества, так и для государства.

В эпоху возникновения *К. Ю.* таким именно государством была Волжско-Камская Булгария с чугуно-литейной и железообрабатывающей промышленностью[16], с высокой культурой земледелия, с благоустроенным городским бытом (о чем говорит наличие водопровода и калориферного отопления), с высоким керамическим искусством, с учеными и поэтами, с единым для общества языком, который не был ни персидским, ни арабским, а „тюркским, но смешанным с хазарским“[17].

Между тем в государствах сельджукидов, караханидов и хорезмшахов официальным литературным языком оставался персидский язык. Хорезм окончательно был отюречен только после нашествия монголов. После же этого, в условиях жестокого террора, вообще не было социальной и политической почвы для появления *К. Ю.* в улусе Чагатая, а Хорезм разделял участь этого улуса до 30-х годов XIII в.; Булгария, только в 1236 г. завоеванная монголами, оставалась единственным тюрко-язычным центром, имевшим все условия для появления *К. Ю.*

В узбекском литературоведении отмечено, что как золотоордынская литература, так и поэма *К. Ю.* не способствовали заметному развитию староузбекского языка[18]. Алишер Навои (XV в.) в своем *Маджалис ан-нафаис* не упоминает *К. Ю.* и ее автора, а Дурбек (XVI в.) называет свою поэму *Юсуф и Зулейха* как первое на данную тему произведение на староузбекском языке[19]. Все эти факты говорят о том, что автор *К. Ю.* не был среднеазиатским поэтом.

II. Язык поэмы *К. Ю.* органически сочетает в себе элементы восточной (уйгурской), южной (огузской) и западной (кыпчакской) групп тюркских языков. Доказано (и дополнительным изучением подтверждается), что фонетика *К. Ю.* „характерна для казанского[20] языка[21]", а морфология *К. Ю.* занимает среднее положение „между южными и восточными языками[22]" — выражение, точно характеризующее также и дореволюционный татарский литературный язык[23].

В языке *К. Ю.* есть весьма древний слой грамматических форм и слов, встречающихся в орхоно-енисейских надписях: *ағы* „драгоценный", *ал/ы/п* „богатырь, герой", *йазы* „степь", *сӱ* „войско", *тәңри* „бог" и др. Употребительны еще падежи: инструментальный (*йөзин дөшде* „упал лицом", *қанын ағлар* „плачет кровью" и др.), сравнительный (*сезнең делчә* „на вашем языке", *ағырынча* „по его весу" и др.), причастие на *-дачы* (*дәче*[24]) *булдачы* „который будет") и будущее время на *-и-сар* (*-и-сәр*) (*кәчисәрмен* „перейду") и др.

Кроме 32 слов, указанных К. Брокельманом[25], в *К. Ю.* имеется более 400 слов и выражений, поныне употребляемых в современном татарском языке: *ағу* „яд" *ақ/ы/рын* „тихо", *ар/ы/дым* „я устал", *аңсыздан* „внезапно", *бик* „очень", *биртӱк* (совр. *биртек*) „получивший ушиб, увечье", *иш* „товарищ", *кӱрек* „красота", *кӱрексез* „некрасивый", *моң* „печаль", *сизенде* „он чутьем угадал", *танық* „свидетель", *уңалмақ* „заживать" (о ране), *йаңа* „новый", *йазық* „грех", *йавыз* „злой", *алтын тәнкә* „золотая монета", *анадан туғмақ* „родиться от матери", *бер киләб еб* „моток ниток", *ғишқы қаты* „любовь его крепка", *ерақ қалмақ* „остаться далеко", *кӱңел төшмәк* „желать сердцем", *кӱңел ачылмақ* „быть в радостном настроении", *кӱңел эремәк* „смягчиться", *мал тӱкмәк* „растратить (букв. выливать) богатство", *сөрмә тартмақ* „насурмить глаза", *ут йотмақ* „горевать" (букв. глотать огонь), *әдәб сақламақ* „соблюдать приличие" и др[26].

В *К. Ю.* есть слова, встречающиеся также в орхонско-енисейских надписях, в словаре Махмуда Кашгари, в *Кутадгу-билик*, в кыпчакских словарях и золотоордынских памятниках. Многие из этих слов (около 200) мы видим в булгарской эпитафии XIII—XV вв. Например, *ағырла-(мақ)* „уважать", *алтун* „золото", *безем* „наш", *бик/бәк* „бек", *гизә* „путешествуя", *ирде* „являлся", *кӱрекле* „красивый", *савгән* „любимый", *ул* „он", *хатун* „жена", *ичрә/эчрә* „в", „внутри", *ӱкӱш/ӱкеш* „много" и др.[27]. Слова *арпа* „ячмень", *арыслан* „лев", *қапу* „ворота", *йарлы* „бедный", *тәвә* „верблюд" и другие, имеющиеся в венгерском языке, признаются специалистами[28] заимствованиями из древнебулгарского. Эти же слова употребляются и в *К. Ю.*

Некоторые слова поэмы имеют соответствия в чувашском языке: *кәләче* „разговор" (чув. *калаçу*), *сувалды*[29] „исчезло" (чув. *çухалчӗ*), *йимеш* „плод, фрукты" (чув. *çимӗç*, татар. *йимеш/жимеш*).

Все слова *К. Ю.* можно разделить на три части: одна из них характерна для восточных, другая — для южных, третья — для западных тюркских языков. В этом смысле лексика *К. Ю.* имеет смешанный характер и до некоторой степени отражает лексику татар, башкир, туркмен, узбеков, казахов, азербайджанцев, турок и др. Однако в целом (за малым исключением) она присуща только татарскому литературному языку, если взять его в историческом аспекте, привлекая также данные татарской диалектологии и фольклора.

Имеются слова, свойственные только языку *К. Ю.* Именно: *дирнакь*

„сбор для угощения“, *уғатлу* „стыдливый, (по)стыдный“, *буғағ //боғағ* „кандалы“.

Подобный языку *К. Ю.* смешанный язык мог сложиться только там, где представители древних уйгуров, огузов и кыпчаков веками совместно трудились и жили одной социально-экономической и духовной жизнью в составе тюркоязычного государства, каким являлась Булгария в эпоху создания *К. Ю.*

Уйгуры на Западе были известны раньше, чем на Востоке[30]. Отдельные группы уйгуров еще в V в. осели на Волге[31] и вошли в ядро булгарского государства. Гунны, булгары, утургуры и кутургуры — названия одного и того же народа в разные исторические эпохи[32]. Имеются сведения „о внедрении половецких и других тюркских элементов в состав булгарской территории“[33]. В советском языкознании признано, что древнеуйгурские племена вошли в состав булгар; в X—XII вв. на Волгу несколькими волнами приходили огузские и кыпчакские племена и постепенно оседали там, смешиваясь с булгарами[34]. В соответствии с этим и булгаро-татарский язык X—XIII вв. должен был складываться из древнеуйгурских, кыпчакских и огузских элементов[35]. Из тех же элементов состоит, как мы видели выше, и язык *К. Ю.* Параллельное употребление в нем таких слов, как *аѓақ//азақ//айақ* „нога“, *койаш//көн//көнäш//күнäш* „солнце“, *дäвä//тäвä*[36] „верблюд“ и других, отражает в определенной степени процесс складывания булгаро-татарского языка.

Таким образом, языковые данные поэмы соответствуют выводам исторической науки о булгарах. Язык же тюркских племен, живших в тот период в Хорезме, известен нам по словарю *Муқаддимат-ал-адаб*[37]. Ни язык этого словаря, ни язык тюркских племен государства караханидов не однотипен с языком поэмы *К. Ю.*, язык которой не укладывается и в рамки древнеосманского языка.

Произведения Есеви и Бакыргани сходны по языку с языком *К. Ю.* Однако приписываемые Есеви *хикметы*, распространившись устно, зафиксировались письменно позднее[38] и, надо думать, переделанными на местные диалекты, а *Бакырган китабы*, приписываемая С. Бакыргани, содержит произведения более 15 авторов. Из них Обейди и Кол Шариф были татарскими поэтами[39], по-видимому, жившими не раньше XV в., а Касим (ал-Казани) умер в 1590 г.[40]. Таким образом, есть основание полагать, что произведения казанского издания, приписываемые Ахмаду Есеви и Сулейману Бакыргани, написаны или переделаны позже на тот язык, которым написана поэма *К. Ю.* Этим объясняется языковое сходство между ними и поэмой.

То, что булгаро-татарский язык X—XIV вв., подобно языку *К. Ю.*, имел смешанный характер, может быть доказано примерами современного татарского языка. В нем наряду с кыпчакскими сохранились элементы уйгурские (*изге* „священный, хороший“, *исерек* „пьяный“, *сандуғач* „соловей“ и др.) и огузские[41].

Процесс незакономерного соответствия *б//м* (*бäн//мäн*), *д//т* (*дäвä//тäвä*), *қ//х* (*юқса//юхса*), что наблюдается в *К. Ю.*, еще не закончен в татарских диалектах[42].

В дательном падеже татарского языка употребительны аффиксы уйгуро-кыпчакского происхождения *қа//кä*,*-ға//гä*, а также огузского происхождения *-а/-ä* (*кул-ым-а*), а в исходном падеже огузо-кыпчакский аффикс *-дан//-дäн* (в литературном) и уйгурский — *-дин* (в фольклоре). И те и другие аффиксы обоих падежей параллельно употребляются

в поэме *К. Ю.* В булгарской эпитафии, наряду с *-қа//кä* отмечены аффиксы дательного падежа *-а* и *-ä*[43].

В *К. Ю.* причастия на *-ан//ăн* и *ған/-ғăн* употребляются параллельно. Эта традиция продолжается в татарской литературе до Г. Тукая: *Пиғамбәрдән қалан дин урнына килгән чгәннәрдән үзәнә башқа бер дин* „Вместо религии, оставшейся от пророка, иная религия, идущая от цыган...“[44].

Доказано, что теория об отсутствии звонких согласных в булгарском языке противоречит языковым фактам[45], а ротацизм был присущ не всем диалектам булгарского языка[46].

При разделении булгар в 922 г. на булгар-чувашей и на булгар-татар[47] большинство ротацирующих говоров отошло, по-видимому, к булгарам-чувашам, а в языке булгар-татар в результате усиления кыпчакско-огузских элементов к эпохе создания *К. Ю.* ротацизм исчез, что можно видеть и в булгарских эпитафиях (так называемого 1-го стиля).

III. В Берлине и Дрездене хранятся 2 списка *К. Ю.*, в библиотеках Ленинграда — 9, Казани — 13, у частных лиц в Казани — 5, автором этого доклада приобретено в татарских деревнях Татарской АССР и Башкирской АССР — 5, всего сейчас известно 34 (полных и неполных) списка. Большинство списков XIX в., ранние — XVII в. Установлено, что все 34 списка принадлежат перу татарских переписчиков, благодаря которым поэма сохранилась до нас.

Впервые *К. Ю.* издана в Казани в 1839 г. по списку, сделанному в 1824 г. поэтом Утыз Имяни, который сократил[48] какой-то древний список поэмы на 980 стихотворных строк, „дабы избежать многословия“. По списку Утыз Имяни поэма переиздавалась в Казани с 1839 по 1917 г. 79 раз.

IV. Строка стиха *К. Ю.* состоит, как правило, из 12 слогов, а строфа — из 4 строк. Первые три строки в строфе имеют одинаковые рифмы, а четвертая строка во всей поэме кончается на слово *имди* „теперь“. Такая строфа (с непременно повторяющимся в конце четвертой строки словом *имди*) не встречается у других тюркских народов. В татарском фольклоре (*Кäжä үäете*, *Мужик үäете* и др.) и в истории татарской поэзии имеются десятки произведений с данной формой стиха (*Китаплы азык*, XIII в., некоторые стихи Г. Кандалый, Г. Тукая и др.).

Для *К. Ю.* и татарской народной поэзии (*жыр*, *үäйет* и пр.) являются общими многие поэтические средства, как *энҗе — мäржän* „жемчужины — кораллы“, *энҗе тешлäр* „жемчужные зубы“, *нечкä бил* „тонкая талия“, *тал чыбықдай* „подобно ивовому прутику“ и другие, которые употребляются в той же форме и в языке современных поэтов.

V. Установлено, что в поэме *Юсуф и Зелиха* грузинского поэта имеются отсутствующие в поэме Джами следующие эпизоды[49], которые, однако, имеются в поэме *К. Ю.* Так, например, в *К. Ю.*, как и в грузинской версии, подробно описано содержание сна Юсуфа, перечислены не только солнце и луна, но и названия тех звезд, которые вместе с луной и солнцем поклонились Юсуфу в его сне. В обеих версиях совпадают: описание коварного поступка братьев (они, опуская Юсуфа голым в колодец, перерезали свисавшую веревку на полпути, но ангел подхватил Юсуфа, не дав ему упасть в воду); описание роскошного свадебного пира, который прерывается тем, что Зулейха начинает плакать и убиваться, убедившись, что вместо Юсуфа ее выдали за Азиза; составление гарантийного письма между купцом и братьями при продаже Юсуфа в рабство и др.

Случайны ли подобные совпадения или нет? Вопрос этот является предметом специального изучения, тем более что булгаро-грузинские отношения X—XIV вв. вообще не изучены, хотя, надо полагать, отношения эти существовали, на что указывает, в частности, кинжал с грузинской надписью, который был найден [50] в земле близ вала древнебулгарского города Кашана (на Каме), который существовал еще в XIV в. и в котором родился, как мы предполагаем, Али (Кол Али), автор *К. Ю.*

Все это дает основание спрашивать: не была ли последняя дополнительным источником для грузинского поэта?

В 1897 г. *К. Ю.* переведена на казахский язык, а в 1915 г. издана в переводе на кумыкский язык. Только у татар поэма читалась и читается без перевода. Она им вполне понятна, хотя „язык казанского издания весьма древен“ (К. Ерокельман).

VI. В сюжете поэмы отражены детали булгаро-татарского быта: 1) в знак оказания чести население Египта осыпало Юсуфа, освобожденного из тюрьмы, золотыми и серебряными монетами. Так же встретил булгарский царь Ибн-Фадлана. Осыпание невесты монетами — неотъемлемый ритуал татарской свадьбы; 2) население Булгара встретило Ибн-Фадлана „хлебом-солью“. Этот булгарский обычай почетного угощения отражен в словах Юсуфа к братьям: *тоз-ӱтмäк йидеңез* „угощались вы“, *тоз-ӱтмäк белмäдеңез* „вы не дорожили угощением“ (букв. „вы не понимали хлеба-соли“). Выражение *тоз-ӱтмäк* „хлеб-соль“ употребляется в древнетатарской литературе, а в современном татарском языке *икмәк тозлаган* „щедрый на угощение“; 3) по Библии и Корану, сыновья Якуба—скотоводы. А в поэме *К. Ю.* Якуб, отправляя своих сыновей в Египет за хлебом, жалуется: *икдекемездäн хäер һич кäлмäде* „не принесло нам пользы то, что мы посеяли“, *илемездä икенемез һич уңмады* „в нашем краю хлеба наши не уродились“, — такое выражение, присущее и современному татарскому языку, могло употребляться только в земледельческой Булгарии.

Имея в руках древние рукописи семи произведений, в числе которых упоминается и поэма *К. Ю.* (*Юсуф китабы*), Ш. Марджани вполне правильно утверждал, что они: а) распространены только среди татар; б) написаны языком, весьма близким к языку булгарских эпитафий; в) язык этих произведений, содержащий элементы чагатайского, османского, туркменского и казахского языков, был булгаро-татарским языком до прихода монголов; г) этим же языком пользовались и после прихода монголов в Булгарию, где язык остался прежним, ибо монгольские ханы не привезли туда своего языка [51].

К выводам Ш. Марджани можно лишь добавить, что на языковых традициях поэмы *К. Ю.* развивался татарский литературный язык вплоть до Октябрьской революции, а сама поэма *К. Ю.*, дошедшая до нас в упомянутых выше 34 списках и в тексте казанского издания, является памятником булгаро-татарского (древнетатарского) письменного языка.

VIII. В Казанском университете хранится рукопись № 587 под названием *Тавариxи булгария*, которую написал татарский ученый XVIII в. Таджетдин Ялчыгол-углы на основе записей своих предков. В своей родословной в 18-м поколении Таджетдин упоминает ученого Кол Али, сына Мирхаджи из города Кашана (на Каме) бывшего булгарского государства. Этот Кол Али жил приблизительно в 1190—1260 гг. (в эпоху возникновения *К. Ю.*). Автор поэмы *К. Ю.* себя называет в одном месте Кол Али, а в другом — Али. В заключительных строках поэмы там, где обычно поэт должен упомянуть свою нисбу, стоит слово „ку-

шан" قوشان, которое при сличении ряда списков по смыслу и размеру стиха можно истолковать как „қашани" قشانی и строку زعیف بن قوشان читать как: *бән қашани за'иф бәндә адым Али* „Я слабый раб — кашанец, имя мое Али" [52].

На основании вышеизложенного, за неимением прямых указаний, можно предположить, что автором поэмы *К. Ю.* был Кол Али Мирхаджи-углы Қашани, написавший свою поэму в тихом местечке Зай-тамагы (на Каме), где не было влиятельных правителей, кому он мог бы посвятить поэму (она никому не посвящена), и умерший в городе Бүлär (ныне Билярск ТАССР).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Термины «булгаро-татарский» и «древнетатарский» однозначны.
[2] Вторая часть — критический текст поэмы со словарем.
[3] В дальнейшем обозначаемой *К. Ю.*
[4] H. Fleischer, *Catalogus codicum manuscriptorum orientalium Bibliothecae regae Dresdensis*, Lipsiae, 1831, S. 72, № 419.
[5] M. Houtsma, *Ein alttürkisches Gedicht*, ZDMG, Leipzig, 1889, S. 73.
[6] Г. Газиз, Г. Рахим, تاتارئه ده بیاتی تاریخی 1923, т. I, ч. 2, стр. 166.
[7] C. Brockelmann, *Ali's Qissa'i Jusuf. Der älteste Vorläufer der osmanischen Literatur*, ZDMG, 1916, Phil. Hist. Klasse, № 5, Berlin, S. 59, 73.
[8] Кёпрюлю-заде, تورک ادبیاتی تاریخی, Истамбул, 1926, стр. 277.
[9] Е. Бертельс, *Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV в.*, «Новый мир», 1939, № 9, стр. 271.
[10] Эмир Наджип, *Татар әдәбиятының һәм әдәби теленең қайбер язма истәлекләре турында*, «Совет әдәбияты», № 12, 1957, стр. 81.
[11] Ш. Марджани, القلام الاول من کتاب مستفاد الاخبار فی احوال قزان وبلغار Казань, 1897, стр. 13—14.
[12] Б. А. Ягфаров, *Литература камско-волжских булгар X—XIV вв. Нахжэль-фарадис*, канд. дисс. (рукопись), Казань, 1950.
[13] Я. Агишев, *К вопросу о периодизации татарской литературы*, — «Кызыл Татарстан», 4. XII. 1940, № 261 (6081).
[14] Х. Усманов, *Предисловие к* «Антологии татарской поэзии», 1956.
[15] W. Pertch, *Die Handschriftenverzeichnisse der königlichen Bibliothek zu Berlin*, VI. Band, Verzeichniss der Türkischen Handschriften, Berlin, 1889, S. 359.
[16] А. М. Ефимова, *Болгарское городище*, изд. Гос. Музея ТАССР, 1956, стр. 7; см. также: — «Итоги археологических работ 1945 — 1952 гг.», Труды КФАН СССР, серия исторических наук, Казань, 1954.
[17] Абурейхан Бируни, *Избранные произведения*, т. I, Ташкент, 1957, стр. 55.
[18] А. Усманов, *Мухакамат ал-лугатайн Алишера Навои*, Ташкент, 1948, стр. 23.
[19] «Узбек поэзияси антологияси», 1946, стр. 99.
[20] Имеется в виду дореволюционный татарский литературный язык.
[21] К. Брокельман, *op. cit.*, S. 9.
[22] Ibid, S. 34, 39 u. a.
[23] Оба вопроса хорошо освещены в труде проф. Л. Заляй, *Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар*, Казань, 1954.
[24] Форма эта еще жива в татарском языке (см. *Диалектологик сүзлек*, под редакцией Л. Заляя, Казань, 1953, стр. 62) и зафиксирована в булгарских эпитафиях: کت دجی در *кәтдәчидер*, табл. 61, строка 6 в кн.: Г. В. Юсупов, *Введение в булгаро-татарскую эпиграфику*, М.—Л., 1960.
[25] К. Брокельман, *op. cit.*, S. 73.
[26] Транскрипция приведенных из *К. Ю.* примеров дана на основе современной татарской орфографии.
[27] Примеры взяты из булгарской эпитафии (табл. №: 1—77 в упомянутом выше труде Г. В. Юсупова).
[28] Zoltan Gombocz, *Die Bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen*

Sprache, Helsinki, 1912, SS. 7, 8, 75, 176 u. a.; см. также И. Балашша, *Венгерский язык*, М., 1951, стр. 15—16. — Приведенные примеры употребляются в современном татарском языке.

[29] *Сувалды* в словарях И. Гиганова и В. В. Радлова отмечено как татарское слово, в современном татарском оно — диалектизм; употребляется также в киргизском языке.

[30] В. В. Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 116, 127, — Второе приложение к 72 т. «Записок АН СПб.», 1893, вып. 2.

[31] Geguignes (в переводе на турецкий язык) تورکلرک هونلرک، ودها سائر تاتارلارک تاریخی عمومیسی, Истанбул, 1923, т. II, стр. 184—185; см. также А. Н. Бернштам, *Очерки истории гуннов*, Л., 1951, стр. 166, 185, 200.

[32] М. Соколов, *Из древней истории булгар*, СПб., 1879, стр. 45—48.

[33] А. Ю. Якубовский, *Происхождение казанских татар*, Казань, 1946, стр. 133.

[34] А. Баскаков, *Классификация тюркских языков*, — «Труды Института языкознания», 1, М., 1952, стр. 31, 36, 39.

[35] О смешанном характере древнетатарского языка (и современного) говорит и Б. Серебряников (см. «Ученые записки НИИ ЯЛИ при Совете Министров Чув. АССР», вып. XIV, 1956, стр. 75).

[36] Характерно, что в татарском языке сохранилось четыре формы данного слова: *дөя*//*төя*/ — литературные, *дәвә*//*тәвә*/ — в диалектах.

[37] Н. Н. Поппе, *Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб*, ч. I—II, — «Труды Института востоковедения», XIV, М —Л., 1938.

[38] Е. Бертельс, *указ. соч.*, — журн. «Новый мир», 1939, № 7, стр. 264.

[39] А. Саади, *Новый материал по истории татарской литературы древней эпохи*, «Вестник научного общества Татароведения», № 7, 1927, стр. 154; см. также Г. Газиз, Г. Рахим, تاتارئه‌ده بیاتی تاریخی, Казань, 1925, стр. 105.

[40] А. Тагирджанов, *Хосров и Ширин Кутба*, Ленинградский университет (кандидатская диссертация, рукопись).

[41] М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 138; Н. К. Дмитриев, *Происхождение казанских татар*, Казань, 1948, стр. 125.

[42] Л. Заляй, *указ. соч.*, стр. 68—78.

[43] См. приложение № 28 к статье И. Н. Березина *Булгар на Волге*, «Ученые записки Казанского университета», 1852, кн. III/: قله «рабу» и табл. №№ 51, 77 в указанном труде Г. В. Юсупова: دار بقایه «вечной обители».

[44] См. «Татар поэзияси антологиясе», Казань, 1956, стр. 152.

[45] А. П. Ковалевский, *Чуваши и булгары по данным Ибн Фадлана*, Чебоксары, 1954, — «Ученые записки НИИ ЯЛИ при Совете Министров Чув. АССР», стр. 17—18; А. П. Ковалевский, *Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 годах*, Харьков, 1956, стр. 102.

[46] Л. Заляй, *Опорный диалект в образовании татарского языка*, «Тезисы докладов координационного совещания по вопросам диалектологии тюркских языков», Баку, 1956, стр. 33.

[47] А. П. Ковалевский, *Книга Ахмеда Ибн Фадлана...*, стр. 34—35.

[48] К. Брокельман не знал об этом сокращении и полагал, что поэма первоначально была такой короткой, а не вошедшие в казанское издание строки внесены в списки переписчиками (op. cit., S. 5, § 3).

[49] А. А. Гвахария, *Персидские источники грузинских версий «Юсуфа и Зелихи»* (Автореферат, Тбилиси, 1958, стр. 14—16).

[50] П. А. Пономарев, *Булгарский город Кашач*, «Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете», т. XI, вып. 2, 1893, стр. 122.

[51] Ш. Марджани, *указ. соч.*, стр. 13—14.

[52] Цитируется по списку, хранящемуся в Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), шифр ТНС № 181.